

Советские реалии в аспекте лексических трудностей перевода (на метатриале поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»)

© Б.Д. Добровольский, 2009

Процесс перевода может быть представлен как перенос текста, созданного в рамках одной культуры, в контекст совершенно другой культуры¹. Неизбежным следствием подобного кросс-культурного переноса является потеря целых пластов значимой информации (так называемых культурных подтекстов), поскольку она не может быть трансформирована в другую культуру даже при полной адекватности текста перевода тексту оригинала с собственно лингвистических позиций².

Очевидно, что каждый переводчик по-своему подходит к процессу перевода, пользуясь различными способами в зависимости оттого, что на данный момент играет решающую роль, то есть в чем они усматривают цель перевода данного конкретного текста.

«Переводчик, следующий принципам *стратегии смысла*, сознательно устраняет все препятствия на пути понимания текста и жертвует, таким образом, теми особенностями его формы, которые могут вызвать затруднения понимания. Это не означает, что в переводе такого типа не сохраняются никакие индивидуальные языковых особенностей оригинала. Все, что оказывается переводимым в рамках действующих норм без ущерба для понимания мысли автора, сохраняется в переводе. Поскольку в переводе такого типа малопонятные места (как и места, тормозящие восприятие содержания) сознательно устраняются, результат пред-

¹ См. подробнее: *Pshenitsyn S. L. Cultural models and the meaning of a translated work // Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B. (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 357-364.*

² О культурном подтексте художественных произведений см. также: *Toury G. Translation: a cultural-semiotic perspective // Sebeok Th.E. et al (eds.). Encyclopedic dictionary of semiotics. Berlin/New York, 1986, p. 1111-1124.*

Tellingier D. Confrontation of cultures – naturalization approaches in the translations of Gogol's Revisor // Klaudy K., Kohn J. (eds.). Transfere Necesse est. Budapest: Scholastica, 1997, p. 494-499.

Doorslaer L. van. Übersetzung und literarische Ideologien // Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B. (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 267-272.

Erten A. Problems of intercultural translation // Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B. (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 345-356.

Zauberga I. Ideology and meaning // Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B. (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 317-323.

ставляет собой текст, выполненный в традициях covert translation. Таким образом, *стратегия смысла* является объединяющей категорией для целого ряда типов перевода. Следуя принципам *стратегии формы*, переводчик, напротив, часто вынужден жертвовать смысловой прозрачностью в угоду максимальной точности при передаче нетривиальных особенностей построения текста, его отдельных характерных элементов и пр. <...> Поскольку результирующий текст с неизбежностью содержит маркеры принадлежности к языку и культуре, чуждых для читателя, перевод, выполненный в соответствии с принципами *стратегии формы*, – это всегда overt translation.»³

При разборе текста поэмы «Москва-Петушки» стало ясно, что в этом случае и та и другая стратегии оказываются беспомощными, будучи не в состоянии передать в полной мере смыслы, заложенные автором в тексте. Причина, главным образом, заключается в обилии в тексте Ерофеева интертекстуальных отсылок, которые невозможно передать с помощью той или иной стратегии. Дело в том, что если следовать *стратегии формы*, мы, возможно, сможем более точно передать авторскую интонацию, голос рассказчика, что несомненно является важным фактором для данного конкретного текста, но при этом, текст в некоторых аспектах остается непонятным для немецкого читателя. Во многом это происходит из-за наличия в тексте оригинала большого количества языковых выражений, отсылающих к всевозможным социокультурным реалиям. В ориентированном на форму переводе, такие реалии переданы дословно, то есть практически оставлены без перевода. Подобная стратегия перевода, экстремально ориентированная на форму, вряд ли может считаться адекватной и выполняющей переводческие функции в полной мере.

С другой стороны, *стратегия смысла* также не решает все трудности, возникающие при переводе подобных сложно построенных нарративных текстов. Понятно, что, пользуясь такой стратегией, переводчик сможет донести до читателя смысл каждого из предложений текста, прибегая, например, к элементам толкования и/или комментария, эксплицируя цитаты и аллюзии, то есть фактически превращая перевод в комментарий. Однако немецкий читатель все равно не сможет до конца понять и оценить смысл всех этих цитат и аллюзий хотя бы уже потому, что является носителем другой культуры, нежели Венедикт Ерофеев. Кроме того, превращая перевод в развернутый комментарий, способный донести смысл до читателя, переводчик тем самым вынужден лишать

³ См. подробнее Добровольский Д.О. Лингвистические аспекты перевода художественной прозы (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот») // Языки в современном мире. Материалы конференции. Том I. М.: МГУ, 2004, с. 30-45.

текст перевода той уникальной авторской интонации, которая играет в поэме не меньшую роль, чем наличие интертекстуальных связей.

Таким образом, понятно, что та или иная стратегия в чистом виде не может решить всех переводческих сложностей; соответственно, переводчику, как правило, приходится совмещать обе эти стратегии, постоянно сталкиваясь с вопросом, что в данном конкретном контексте важнее: смысл или форма. Иными словами, решающим фактором всегда является контекст.

Рассмотрим ряд советских реалий, относящиеся к бытовой стороне жизни людей в Советском союзе в 60-е годы.

- (1) Я выпил еще на шесть рублей (Ерофеев: 18)
für weitere sechs Rubel gesoffen habe (Jerofejew: 10)

Заметим, что в 60-е годы алкоголь в СССР стоил сравнительно немного, например, бутылка водки стоила от двух до трех рублей. Соответственно, заявление лирического героя Венички о том, что он добавил еще на шесть рублей, нельзя принимать как реальный факт. Здесь скорее имеет место гипербола: даже с учетом того, насколько хорошо тренирован организм главного героя, количество дешевого алкоголя, соответствующее этой сумме, представляется преувеличенным. Подобная гипербола вряд ли вычитывается немецким читателем, так же, впрочем, как и русским читателем, принадлежащим к современному молодому поколению. Это еще раз подчеркивает необходимость комментария в данном и подобных ему случаях.

- (2) О, тщета! О, эфемерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа – время от рассвета до открытия магазинов! (Ерофеев: 19)

O Vergeblichkeit! O Vergänglichkeit! O du ohnmächtigste und schmachvollste Zeit im Leben meines Volkes - o Zeit zwischen Morgendämmern und Öffnung der Geschäfte! (Jerofejew: 12)

- (3) А через полчаса магазин откроется: водка там с девяти, правда, а красненького сразу дадут. (Ерофеев: 19)

Und in einer halben Stunde öffnet das Geschäft. Wodka gibt es zwar ab neun, aber Roten geben sie dir gleich (Jerofejew: 13).

В конце 60-х годов в СССР действовало ограничение времени продажи спиртных напитков крепостью 40° и более (главным образом водки и коньяка) – они начинали продаваться с девяти часов. Однако поздно вечером еще было возможно купить алкоголь в ресторане, но рано утром, чтобы опохмелиться, необходимо было ждать девяти часов утра. Следует отметить, что в Германии магазины тоже открываются и закрываются в определенное время суток, но есть бензозаправки с маленькими магазинчиками, работающими круглосуточно. Таким обра-

зом, при желании алкоголь можно купить в любое время, и наличие утренней очереди перед дверями магазина – реалья, свойственная Советскому Союзу и непонятная немецким читателям. Отметим также, что в России после перестройки ситуация кардинально изменилась. Алкоголь теперь можно купить везде и всегда, поэтому для сегодняшней молодежи подобные проблемы могут быть непонятны без соответствующего комментария.

- (4) Раз-два-туфли-надень-ка-как-ти-бе-не-стыдно-спать? (Ерофеев: 43)
Heißa Kathreinele, schnür dir die Schuh. (Jerofejew: 47)

Популярная в 60-е годы финская танцевальная мелодия «летка-енка», известная в СССР с русским текстом, строчка из которого приведена в (4). Переводчик перевел эту строчку из неизвестной немецким читателям эстрадной песни с помощью названия некой немецкой песни. Сам по себе такой способ перевода вполне приемлем, важно лишь, чтобы эти песни были функционально сопоставимы.

- (5) кильку пряного посола, кильку простого посола, кильку в томате.
(Ерофеев: 52)
etwas Dosenfisch, einfach, in Kräuter-oder Tomatensauce. (Jerofejew: 61)

Абсолютно адекватный перевод, где в отличие от оригинала название рыбы не переведено эксплицитно, что, однако, не приводит к потере смысла. Дело в том, что в советское время из всех рыбных консервов наиболее распространена была именно килька. В Германии подобного предпочтения не наблюдалось, поэтому перевод *кильки* с помощью *Dosenfisch* верен, ведь главное здесь не сорт рыбы, а идея дешевых рыбных консервов.

- (6) По все России шоферня берет с «грачей» за километр по копейке. (Ерофеев: 83)
In ganz Russland nimmt das Fahrpersonal von den Schwarzfahrern eine Kopeke pro Kilometer. (Jerofejew: 107)

Абсолютно неверный перевод: во-первых *шоферня* означает шоферов, то есть *Fahrer* а не *Fahrpesonal*. Во-вторых, *грачи* – это люди, путешествующие автостопом. По-немецки *Schwarzfahrer* означает ‘пассажир без билета’, то есть соответствует русскому *заяц*.

- (7) Передвинуть стрелку часов на два часа вперед или на полтора часа назад, все равно, только бы куда передвинуть. (Ерофеев: 91)
Oder so ein Dekret: die Zeiger der Uhren sind zu verstellen, zwei Stunden vor oder anderthalb zurück, ganz egal, jedenfalls zu verstellen. (Jerofejew: 120)

- (8) Слово «черт» надо принудить снова писать через «о», а какую-нибудь букву вообще упразднить, только надо подумать, какую. (Ерофеев: 91)
Dann müßte noch der Beschluß gefaßt werden, wonach das Wort «Teufel» wieder mit «D» geschrieben und irgendein Buchstabe des Alphabets vereinfacht werden muß. (Jerofejew: 120)
- (9) Летоисчисление... сменим или оставим как есть? (Ерофеев: 92)
Was meinst du, sollen wir die Zeitrechnung ändern oder so lassen wie sie ist? (Jerofejew: 121)
- (10) Решено было временно перенести столицу из Черкасова в Полумы, то есть на двенадцать верст вглубь территории республики. (Ерофеев: 92)
<...> wurde beschlossen, die Hauptschtadt vorübergehend von Tscherkassowo nach Polomy zu verlegen, das heißt um zwölf Werst tiefer ins Innere der Republick. (Jerofejew: 121)

Примеры (7), (8), (9), (10) не так абсурдны как можно подумать. После Октябрьской революции часы действительно были переведены. Кроме того, до орфографической реформы 1918 года слово *черт* могло писаться и через *e* и через *o*. После реформы возможно стало только *черт*. Таким образом, перевод не совсем адекватен, ведь слово *Teufel* никогда не писалось через букву *D*, следовательно такой перевод воспринимается немецким читателем, как нечто совершенно абсурдное, в то время как на самом деле, основная авторская интенция здесь – это издевательский комментарий абсурдных декретов и реформ первых постреволюционных лет. Добавим также, что здесь есть просто ошибка перевода: *упразднить* переводится на немецкий язык с помощью глагола *abschaffen*, а не *vereinfachen*, который переводится на русский язык как *упростить*.

Отметим также, что действительно существовали проекты по примеру французской революции 1789 года отсчитывать новую эру со дня Октябрьского переворота, а в 1918 году столица в действительности была перенесена из Санкт-Петербурга (Петрограда) в Москву, то есть вглубь страны.

- (11) Слушай-ка, канцлер. (Ерофеев: 91)
Hör mal, Kanzler! (Jerofejew: 120)
- (12) Как же! дадут вам Б-52! Держите карман! Прямо смешно вас слушать, сенаторы! (Ерофеев: 94)
Daß ich nicht lache! Darauf könnt ihr lange warten, Herren Senatoren! (Jerofejew: 124)

Должности канцлера в послереволюционной России не было. Это вряд ли известно немецким читателям, тем более что в Германии такая

должность существует. Следовательно, здесь также необходим комментарий, в котором следует указать на вероятную аллюзию на немецкий порядок должностей, потому что должность канцлера, по крайней мере для сознания русских людей, наиболее характерна для Германии и чаще всего ассоциируется именно с этой страной.

Должности *сенатор* также никогда не было ни в Советском Союзе, ни в России (правда, сегодняшние члены Совета Федерации на журналистском жаргоне иногда называются *сенаторами*). Это довольно типичный пример авторского юмора, подчеркивающего всю абсурдность происходящего. Понимание подобных несуразностей безусловно важно для более полного и адекватного восприятия текста, соответственно такие детали без сомнения необходимо комментировать. Отметим, что ни у Власова, ни у Левина это никак не прокомментировано.

(13) *Комсорг Евтушкин* (Ерофеев: 75)

Komsomolorganisator Jewtjuschkin (Jerofejew: 94)

Перевод на первый взгляд верен, однако кроме комсомольских реалий, здесь еще содержится пародийная аллюзия на известного в СССР поэта Евгения Евтушенко (отсюда и схожесть фамилий), которая без комментария теряется. Таким образом, во-первых, не совсем понятно почему комсомольский организатор разговаривает стихами, а во-вторых, теряется культурно значимый подтекст, образующий едва ли не основной содержательный пласт поэмы. Именно эта составляющая поэмы делает этот текст культовым для русского читателя.

(14) *Какой террор открываешь? Белый?* (Ерофеев: 92)

Welche Art Terror willst du denn einführen? den Weißen? (Jerofejew: 120)

(15) *Почему нас не дают с юга регулярные части?* (Ерофеев: 93)

Wie kommt's, daß uns keine der regulären Truppen aus dem Süden angreift? (Jerofejew: 122)

Белый террор – террористические акты против отдельных лиц – видных большевистских функционеров на местах. Большевистские власти отвечали на него красным террором (расстрелы из расчета 1000 за одного). Изначально термин пришел из Франции эпохи Реставрации, где массовые аресты бонапартистов именовались *белым террором*. Подобная терминология вряд ли будет понятна читателю, плохо знающего или мало интересующегося историей, хотя русский читатель понимает аллюзию на постреволюционную ситуацию в России. При этом важная для автора концептуальная оппозиция *белого* и *красного террора*, имплицитно присутствующая в (14), вряд ли прочитывается немецким читателем. В (15) также имеются в виду реальные исторические события гражданской войны в 1918-1919 годах, когда Красной Армии, за-

щищавшей подступы к Москве, приходилось сдерживать натиск регулярных частей Белой Армии именно с юга.

(16) *Это – так! чепуха! Полет имела это* (Ерофеев: 92)

Das war doch nur Humbug. Ein «Hummelflug» (Jerofejew: 121)

Здесь имеется в виду название оркестровой пьесы из оперы Н. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Очень важно передать то, что имеется в виду именно это сверхвиртуозное произведение, хорошо знакомое русскому читателю. Именно на легкость музыкальной ткани и как бы несерьезность этого виртуозного произведения намекает в данном случае Ерофеев. И если русский читатель, в своем большинстве, сразу вспоминает эту мелодию, то для немецкого читателя это может представлять определенную трудность. Заметим также, что комментарий в данном случае не может оказать существенную помощь в понимании текста, потому что музыку невозможно передать словами, то есть описать. Конечно, существуют интерактивные виды комментария, как это, например, было сделано в комментарии к роману «Улисс» Джойса, где читатель может с помощью гипертекстовых связей переходить от текста к аудиовизуальным фрагментам гипертекста и прослушивать упоминающиеся в тексте мелодии. Такой способ комментирования выдающихся произведений мировой литературы при всей своей привлекательности, видимо, еще долгое время будет оставаться дорогостоящим экспериментом и может по этим причинам пока не рассматриваться как реальная альтернатива традиционному комментарию.

Из приведенного выше анализа становится ясно, что такая составляющая художественного текста, как советские реалии является одной из наиболее сложных с точки зрения перевода. Понятно, что переводческие решения для каждого отдельно взятого контекста может быть по крайней мере несколько. Одни представляются более удачными, другие – менее. Для таких текстов, как «Москва-Петушки» *стратегия формы*, казалось бы, должна была оказаться предпочтительной техникой перевода. Сложно построенные нарративы требуют необычайно внимательного отношения к их форме. Пересказ сюжета другими средствами ни при каких обстоятельствах не может быть удачной стратегией. Тем не менее, последовательная ориентация на *стратегию формы* приводит к тому, что целый ряд содержательно значимых элементов текста обречен на полное непонимание немецким читателем. Очевидно, наилучшим решением является умелая комбинация обеих стратегий, так как ни одно из переводческих решений не в состоянии в полной мере передать культурный и социокультурный пласт, содержащийся в реалиях определенной эпохи в одной стране. Следовательно, неизбежные потери смысла должны (по крайней мере в академически ориентированных

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 39. – 136 с. ISBN 978-5-317-03078-0

изданиях) восполняться культурологическим, лингвистическим и литературоведческим комментарием по примеру Ю. Лотмана к «Евгению Онегину» или Ю. Щеглова к «12 стульям» и «Золотому теленку».

Источники

Ерофеев В. Москва-Петушки. М.: Вагриус, 2000.
Erofeev V. Moskau-Petuški. Zürich: Kein & Aber, 2005.
Jerofejew W. Die Reise nach Petuschki. München: Piper, 1978.

Литература

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Перевод как прикладная лингвистическая дисциплина // *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 138-163.
- Власов Э.* Спутник писателя. - М.: Вагриус, 2000.
- Добровольский Д.О.* Лингвистические аспекты перевода художественной прозы (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот») // Языки в современном мире. Материалы конференции. Том I. - М.: МГУ, 2004, с. 30-45.
- Левин Ю.И.* Комментарий к поэме «Москва-Петушки» / *Heinrich Pfandl* (Hrsg.). - Graz, 1996.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. - М.: Воениздат, 1980.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. - М.: МГУ, 2004.
- Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. - М.: Слово, 2008.
- Doorslaer L. van.* Übersetzung und literarische Ideologien // *Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B.* (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 267-272.
- Erten A.* Problems of intercultural translation // *Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B.* (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 345-356.
- Pshenitsyn S.* Cultural models and the meaning of a translated work // *Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B.* (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 357-364.
- Tellingier D.* Confrontation of Cultures – Naturalization Approaches in the Translations of Gogol's Revisor // *Klaudy K., Kohn J.* (eds.). Transfere Necesse est. Budapest: Scholastica, 1997, p. 494-499.
- Touy G.* Translation: a cultural-semiotic perspective // *Encyclopedic dictionary of semiotics / Sebeok Th. E.* (ed.). Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 1986, p. 1111-1124.
- Zauberga I.* Ideology and meaning // *Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B.* (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 317-323.